

АРНОЛЬД И Я

Жизнь в тени Австрийского Дуба

Арнольд Шварценеггер рекомендует
Барбара Аутланд Бейкер

Барбара Аутланд Бейкер

**Арнольд и я. Жизнь
в тени Австрийского Дуба**

«Издательские решения»

Аутланд Бейкер Б.

Арнольд и я. Жизнь в тени Австрийского Дуба / Б. Аутланд
Бейкер — «Издательские решения»,

Откровенный рассказ об отношениях с легендой бодибилдинга, суперзвездой
Голливуда и бывшим губернатором Калифорнии Арнольдом Шварценеггером.

Содержание

Вступительное слово	6
Предисловие	7
Благодарности	9
Внезапная смерть	12
В поисках спокойствия	16
Мечты Арнольда	25
Австрийский Дуб пускает корни	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Арнольд и я. Жизнь в тени Австрийского Дуба Барбара Аутланд Бейкер

Посвящается Джону

Их любовь в прошлом...

Его слава проходит...

Но свет звезды останется с нами, даже когда она погаснет...

© Барбара Аутланд Бейкер, 2015

© Александр Стихин, перевод, 2015

© Артем Козионов, дизайн обложки, 2015

Редактор Александра Ерохина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступительное слово

Иногда в нашей жизни встречаются люди, которые меняют ее навсегда. Так произошло и со мной: мне было всего двадцать два года, когда после переезда в Калифорнию я познакомился с человеком, оказавшим огромное влияние на мою жизнь в один из важнейших для меня периодов.

Барбара выделялась из всех остальных девушек, которых я знал на тот момент, и я с любовью вспоминаю проведенное с ней время. За следующие шесть лет мы многое пережили, и благодаря Барбаре (не говоря уже о ее замечательных родителях) чужая для меня страна открыла мне мир семейных отношений и радушно приняла меня.

Вместе с Барбарой мы прошли через многое и, думаю, хорошо дополняли друг друга. Однако в то время как я придерживался свободы в наших отношениях, она демонстрировала зрелость и силу, помогавшую ей удерживать меня в самые сложные моменты. К тому же, что даже более важно, она была замечательным учителем английского языка – кто знает, где бы я был сегодня без ее уроков! Когда я полностью сосредоточивался на своих целях, Барбара помогала мне взглянуть на себя со стороны, и этот опыт я пронес через всю жизнь.

Бывает очень трудно, когда пути двух людей расходятся в разные стороны, но я знаю, что больше всего наш разрыв ударил по Барбаре: занятия бодибилдингом и начавшаяся карьера в кино полностью поглотили меня. Спустя два года после нашего расставания я встретил Марию, которой суждено было стать моей истинной любовью, моей супругой и моим партнером в жизни. Я знал, что после прекращения наших отношений расстройств и разочарования будут долго преследовать Барбару, но только по прошествии времени, познакомившись с ее историей, я осознал, каким болезненным был тот период ее жизни. Оказалось, что на протяжении всей моей жизни и карьеры – в Голливуде, бизнесе, браке и политике – Барбара наблюдала за мной со стороны.

В своей книге Барбара поведаст о наших отношениях и крепкой дружбе, пронесенной через годы, – этот рассказ, вне всякого сомнения, будет интересным и покажет, какое огромное влияние на ее жизнь мне довелось оказать. Справедливости ради хотелось бы заметить, что мы с Барбарой все же разные люди со своими собственными взглядами, поэтому иногда наши воспоминания могут не совпадать. Тем не менее я поддерживаю ее работу, ведь Барбара предлагает уникальный взгляд на жизнь и отношения, и я надеюсь, что многие читатели извлекут для себя полезные уроки из этого рассказа.

*Арнольд Шварценеггер,
июнь 2006 года*

Предисловие

С того времени как я сознательно произнесла: «Думаю, что я хочу писать!» – прошло уже пять лет, семь месяцев, шесть дней и одиннадцать часов (не учитывая переходов на зимнее и летнее время), и, должно быть, планеты в тот судьбоносный момент захотели сыграть шутку космического масштаба.

Для тех из вас, кто захочет прочесть несколько параграфов этой книги перед ее покупкой, бесплатно приведу три усвоенных мной урока. Во-первых, будьте мудрыми в ваших желаниях – ведь на пути к желаемому всегда может произойти что-то непредвиденное. Урок второй: даже если вы учитель чтения с тридцатилетним опытом преподавания английского языка в колледже, не так-то легко стать заметным писателем. И пожалуй, самый главный урок: старые отношения и их отложенное во времени влияние могут изменить вашу жизнь самым непредсказуемым образом.

Познать все эти истины мне пришлось на собственном опыте, и на долгие годы моим хобби стали увлекательные занятия живописью, помогавшие мне отдыхать от преподавания английского языка. Но со временем накопившаяся усталость и поврежденный палец на руке лишили меня этого увлечения, и, хотя хирург помог мне, мой творческий энтузиазм был подорван. С этого времени начались поиски новой отдушины, и мне на ум пришли слова: «Думаю, что я хочу писать». Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что могла бы обрести душевное спокойствие при помощи куда более простых вещей, но я стала писателем.

Литературное творчество не было для меня в новинку: когда-то давно я опубликовала одну небольшую книжку по скорочтению, несколько статей в журналах и ряд красиво оформленных благодарственных писем. Отмечу, что книгу об Арнольде я написала еще в далеком 1979 году – через четыре года после прекращения наших отношений. Прошло время, и я подумала: *«Почему бы не стряхнуть пыль с той работы? Уверена, что история моей жизни с Арнольдом вдохновит его фанатов»*.

Я начала подсчитывать количество читателей журнала *MuscleMag*, издаваемого Робертом Кеннеди, которые интересовались парой Шварценеггер – Шрайвер, а также бодибилдеров, которые хотели бы узнать больше о своем кумире. К тому же я знала, что японские фанаты обожали Арнольда за его фильмы, а бизнесмены помнили его за воплощенный идеал «американской мечты». Я не забыла и о женщинах, которые любят читать книги об отношениях. Ко всему прочему, разве эти читатели не хотели бы взглянуть на давние фотографии молодого Арнольда? Да, налицо потенциал настоящего бестселлера.

Двадцать лет минуло с тех пор, как я написала фундаментальную историю «Арнольд: анатомия легенды». В новой книге «Битва Арнольда: путешествие в прошлое Шварценеггера» широко использовался материал предыдущей работы, хотя она и была посвящена совершенно другим темам. Со временем права на книгу приобрел инвестор, а затем вынудил меня выкупить их обратно для продолжения работы. Проблемы, однако, возникли и при написании второй версии книги. Четыре месяца моих метаний по поводу возможности переписывания первой версии окончились ничем. Тем не менее через четыре года я завершила книгу о том, какое влияние оказал Арнольд на мою жизнь. Во время работы друзья конструктивно критиковали и хвалили меня, а издатели, после того как я тайком отправила им рукопись, требовали пикантных подробностей.

Здесь я столкнулась с дилеммой: идти на поводу у таблоидов или дать взвешенную оценку образу Арнольда? Как мне сохранить непредвзятость? Моей целью было стать автором хорошо написанной, увлекательной истории, и я хотела показать взгляд изнутри на первые годы Арнольда в Америке, раскрыть силу нашего влияния на жизни друг друга и продвинуть идею о максимальной гибкости при достижении цели. Проблема состояла в том, что я была пустым

местом для агентов и издателей, тогда как Арнольд являлся известной и влиятельной фигурой. Некоторые агенты думали, что читатели хотели бы узнать больше о самой «иконе», чем о бывшей девушке Шварценеггера, – да и то правда, кого волнуют ее страдания от несчастной любви и потери Арнольда? Такой подход вполне объясним, но у меня была только эта история, и я верила, что она уникальна, – несмотря даже на то, что я была всего лишь бывшей подружкой.

За шесть месяцев до выборов, на которых Калифорния объявила Арнольда Шварценеггера своим «спасителем», стало еще труднее. Я написала человеку, чьим наивысшим титулом на тот момент был *Терминатор*, и поинтересовалась, одобрит ли он мои воспоминания. Сможет ли он написать вступительное слово? Признает ли он то влияние, которое оказал на мою жизнь? Спустя несколько недель после отправки письмо попало уже к кандидату от Республиканской партии на повторных выборах губернатора штата Калифорния, и с этого момента ситуация стала развиваться самым непредсказуемым образом.

Тогда, в семидесятые, мы с Арнольдом любили друг друга шесть незабываемых лет, и тогда же, спустя время после разрыва наших отношений, я усвоила урок, в истинности которого не сомневаюсь до сих пор: дух Арнольда, однажды войдя в вашу жизнь, проникает во все ее сферы.

Строить песчаные замки и смотреть, как их уносит в море, – не такое уж плохое занятие. Но будет ли у меня для этого время? Возможно, что и нет, – по крайней мере до того момента, как книга «Арнольд и я: в тени Австрийского Дуба» закончит свое действие.

*Барбара Аутленд Бейкер,
июль 2006 года*

Благодарности

Мую книгу поддержало бесчисленное множество людей. Я должна начать с Арнольда, который пробудил во мне идею этой книги и в знак уважения нашей дружбы написал необыкновенное вступительное слово. Ну а после общения с его сотрудниками я продолжаю с трепетом относиться к способностям Арнольда нанимать на работу только дельных людей. Второй, но от этого не менее значимый помощник – мой муж Джон, ставший для меня поддержкой и опорой на протяжении всего процесса написания книги. На своей студии *JB Photography Studio* Джон восстановил старые фотографии и даже отреставрировал одно изображение, ставшее обложкой книги. Мой разносторонний муж демонстрировал живой ум, понимание и логику в процессе работы над книгой и продолжает отвечать всем моим душевным чаяниям.

Вместе с каждой правкой я получала дельные комментарии от моей мамы, к сожалению, не дожившей до завершения работы над книгой, и от моей «приемной матери» Луизы Райнс, в семье которой я жила во время обучения в колледже. Также я выражаю огромную признательность моим друзьям детства: Барбаре Миллер – за эмоциональную реакцию на первые наброски, Сисли Рейнольд – за энтузиазм относительно моего авторского стиля, Линн и ее мужу Кари Нолану – за поощрение моих исследований женской психологии, Дорин Клифтон – за каверзные вопросы. Мои давние друзья тоже уделяли мне время, и я должна выразить им искреннюю благодарность: Джону Бейлу – за улучшения текста, Дэйву и Маргарите Берг – за чудесные воспоминания о прошлом, Саре и Бобу Галлавей – за нахождение «белых пятен», требующих заполнения, Розы Ли – за ее чуткость ко всему происходящему, Аленну Лунину – за его выдающуюся справедливость, Пегги Рунелс – за ее познание внутреннего мира героя и доверие к моему авторскому стилю, Тоду и Трейси Троцки – за содействие в описании образа, и, наконец, Шерри Вайнштейн – за помощь в начальных правках.

Среди всех прочих «болельщиков», поддерживавших меня, я должна особо отметить тех, без чьей помощи не смогла бы обойтись, и сказать им всем огромное спасибо: доктору Джо из лечебного центра Форда в Плано, штат Техас, за лечебные процедуры; доктору Кирби Джонсону из Агоры, штат Калифорния, за лечение позвоночника и фанатскую поддержку бодибилдинга; Рону Тернеру за его безграничную веру в меня – до такой степени, что он даже согласился приобрести первый экземпляр книги еще до ее выхода.

При помощи советников губернатора я восстановила связи со старыми друзьями из «золотой эры бодибилдинга», а также познакомилась с новыми людьми, изменившими ход моей жизни. Всем тем, кто проявил немалую чуткость, я говорю огромное спасибо: Альберту Басеку, Джорджу Батлеру, Дэйву и Лерри Дрейпер, Чарльзу Гейнсу, Дену Говарду, Джеку и Элейн Лалэйн, Джиму Лоримеру, Джину Музу, Джон-Джону Парку, Регу Парку, Брендану Райну, Дику Тайлеру, Майклу Волчеку и Бернарду Циммерману. К Митсу и Дот Кавашима у меня всегда будут самые теплые чувства. Некоторые люди индивидуально помогали мне в процессе написания книги, и я выражаю свою неизменную признательность этим великодушным личностям: Джону и Стефании Балик, издателям знаменитого журнала *Iron Man*, за их наставления; Лу Ферриньо – за нашу исключительную дружбу; Дугласу Кену Холлу – за его проницательный взгляд и наставления по издательским вопросам; Роберту Кеннеди, владельцу журнала *MuscleMag, et al.*, поделившемуся своими знаниями и критикой по поводу маркетинговой стратегии; Ларри Лимеру – за то, что пригласил меня в издательский мир и высказал мнение о моих перспективах; Шону Перину из журнала *Flex, et al.* – за его замечательные идеи; а также Фрэнку и Кристиан Зейн – за то, что ободряли и воодушевляли меня. Кладезем знаний и постоянным источником поддержки стал для меня Адам Таннер из *Reuters News*: его замечательная исследовательская работа не просто раскрыла меня, но и изменила направление книги «Арнольд и я» – не говоря уже о моей жизни!

Члены моей семьи оказали мне особую поддержку в ходе кропотливого процесса создания книги. Я благодарна моей дорогой падчерице Дженнифер Бейкер за ее остроумие и логику, моим любимым племянникам, Бобу и Биллу Касперам, за их безбрежный энтузиазм и веселые воспоминания и моим племянницам, Дженни Хоу, Холли Нессиф и Саманте Мерилл, за их материнскую заботу при изложении истории моей жизни. С нежностью благодарю моих сестер Паулу Каспер, Марианну Мерилл и Салли Ред за наш творческий союз и их независимую точку зрения.

Годами я учила своих студентов необходимости совместного творчества, а сейчас я могу рассказать об этом как автор. Я нуждалась во взгляде со стороны, и Дид Кирквуд помог мне в этом. Терес Талли-Баллард предоставила в мое распоряжение свой блестящий ум, знания психологии и постоянную поддержку. Без ее ободрения у меня бы возникли огромные проблемы с написанием книги. Неоценимую помощь оказала также Уитни Кристиансен, представитель издательства *Author House*, – книга «Арнольд и я» пропитана ее великолепным языком, пониманием деталей и интуицией. Без ее жизнерадостности процесс издания не получил бы такого трепетного исполнения. Совместными усилиями Уитни и Терес не только привели меня к завершению книги, но и указали путь к безбрежным радостям жизни.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Глядя на легендарного губернатора, восседающего на своем древнем китайском «троне», я пыталась осознать сюрреалистичную природу времени: как бы могли пройти эти тридцать пять лет с тех пор, как Арнольд вошел в мою жизнь? И вот теперь я здесь, зрелый преподаватель английского языка – встречаюсь с политиком средних лет, и нет больше той цветущей девчонки из шестидесятых, боготворившей европейского атлета. Сегодня меня привела сюда сила любви к Арнольду, жертвой которой я пала, и лишь морщинки вокруг моих глаз напоминают о давно ушедших временах.

Сегодня я «выхожу на ринг» с моим бывшим возлюбленным-тяжеловесом, и путь к этому разговору с одним из самых значимых людей в моей жизни был неблизким. Несмотря на то что я надеялась получить определенную помощь в написании мемуаров, больше всего мне все же хотелось найти ответы на некоторые вопросы. Был ли мне дорог этот человек? Была ли я важна для него? Бог его знает, но он оказал огромное влияние на мою жизнь. В кои-то веки я выступаю в роли ведущего: в тяжелейшей борьбе выкроены два эксклюзивных часа в расписании Арнольда Алоиса Шварценеггера, уже седьмой месяц пребывающего в должности губернатора штата Калифорния.

Надеясь пробиться сквозь однотипные ответы из интервью средствам массовой информации, я начинаю с основ – отца Арнольда, который играл важнейшую роль в его жизни. Он был жестким человеком, по иронии судьбы воспитавшим в своем младшем сыне бунтарский дух. Арнольд всегда с гневом рассказывал о своих притеснениях в юности; но после его первого ответа я поняла, что за прошедшее время он поменял свое отношение к отцу.

Арнольд ответил более витиеватой фразой, чем я ожидала от него услышать:

– [Мой] отец был джентльменом – наподобие тех, кто пропускает дам вперед в автобусе, чтобы они смогли занять место. Он был жандармом – это примерно как американский шериф. Всегда выслушивал и был приветлив. Его мать была весьма сильной женщиной, а отец умер очень рано. Он крайне уважал свою мать, и она жила с нами два месяца в году – это смешно, но моя мать тоже приезжала к нам пожить на два месяца. Кто знает, как случаются подобные совпадения.

Я был счастлив, потому что мои родители всегда были дома, – это давало мне ощущение стабильности. И несмотря на наше скромное материальное положение и наказания со стороны отца, я никогда не унывал. Позже я понял, что это было распространённое явление в Австрии.

Все приятели моего отца поступали точно так же – подобное поведение было частью нашей культуры.

Внезапная смерть

Однажды у меня случилось психическое расстройство наподобие того, которым страдал герой Дастина Хоффмана в фильме «Человек дождя». У меня, как и у главного героя этой киноленты, сильно обострилось восприятие, и я стала толковать каждый вздох моего бойфренда. Для самоуспокоения я очень тщательно подбирала и интерпретировала нечаянно оброненные им слова или двусмысленные фразы. После отбора фраз я пропускала их через специальный магический фильтр, который преобразовывал мои фантазии в реальность, – только при помощи подобных манипуляций я могла поддерживать свою веру в то, что мой любовник когда-нибудь женится на мне. Я черпала силы в его дыхании и впитывала их при каждом поцелуе. Дышала с ним в унисон, в то время как он спал, – шесть долгих лет я жила лишь Арнольдом Шварценеггером.

После завершения наших отношений у меня была только одна цель – освободить свою душу от его влияния. Усилия, правда, не всегда давали результат: чем больше проходило времени, тем отчетливее я понимала, что никогда не смогу избавиться от тени этого человека.

Тогда, в семидесятые, я была одержима желанием получить его согласие на наш брак. К своим двадцати четырем годам я успела побывать подружкой невесты на многих свадьбах. Моим главным увлечением стало чтение между строк – если Арнольд говорил: «Малышка, ты есть лучшая» или «Мы будем абсуждать это после соревнований», я понимала, что дата нашей свадьбы будет назначена до конца года. Чем более размытыми были его комментарии, тем больше сил они придавали мне в определении даты свадьбы. В то время как Арнольд поднимал тонны стали для формирования своей мускулатуры, я перелопачивала статьи из свадебных журналов в поисках идей для реализации своей мечты.

Временами я могла представить каждый аспект моих фантазий: «Та часовня в Палос Вердес просто создана для проведения великолепных свадеб» или «Разве это не прекрасно – провести свадебную церемонию на палубе „Куин Мэри“, пришвартованной в доке Лонг-Бич?»

После подобных намеков он говорил пару слов для поддержания моей уверенности, например: «Харашо, довай тагда пакушаем» – и стоило лишь мне услышать подобный ответ, как я придавала ему свое собственное значение. Трезвый разум называет подобное поведение «жизнью в розовых очках» – я же называла его «жизнью моей мечты».

Я была очень недалеким человеком: развлекала наших гостей-культуристов и подружек из студенческого братства, просматривала свадебные фотографии и следила за своим весом.

А еще я собирала брошюры, рекламирующие экзотические места для проведения медового месяца. Меня, конечно, беспокоила финансовая сторона свадебной церемонии: как невеста, я не могла позволить себе подобные экстравагантности, но это никоим образом не мешало мне планировать чудесную свадьбу на весну 1972 года.

Арнольд Шварценеггер возле своего дома, Таль, Австрия, 1974

После его возвращения той зимой из Франции с титулом «Мистер Олимпия» в кармане я ждала обещанного объяснения. Находясь в ожидании разговора с Арнольдом насчет свадьбы, я сохраняла многозначительное молчание. Поскольку ожидаемого объяснения не произошло, я перенесла разговор на новогодние праздники, когда мы могли бы обсудить все детали нашей будущей жизни. Итак, в конце ноября, пока Арнольд путешествовал и позировал в Австралии, я посвятила себя созданию уюта в нашей квартире. Ко времени возвращения в Санта-Монику

он не только пополнил свой банковский счет и увеличил количество фанатов, но и умудрился серьезно повредить колено, позируя на помосте, который рухнул во время его выступления. В Лос-Анджелес Арнольд вернулся напуганный и растерянный, смущаясь поддерживавших его костылей.

Я сильно волновалась из-за этого досадного происшествия (и, конечно, успокаивала его по телефону) и опасалась, как бы это событие не повлияло на наши свадебные планы. Большую часть воскресенья я провела за приготовлением романтического ужина, с нетерпением ожидая наступления ночи. Сделав в квартире генеральную уборку, как он любил, я занялась жаркой стейков, фаршированием омаров и изготовлением засахаренной в яблочном соке моркови. Я начала долгий процесс измельчения моркови для приготовления его любимого десерта – морковного пирога – и даже успела взбить холодный сливочный сыр в ожидании, пока пирог остынет. Я нарезала хлеб и для придания уюта поставила в комнате красные и зеленые свечи. Я знала, что рождественская елка и накопленные за всю жизнь украшения подогреют атмосферу вечера, а наши совместные фотографии напомнят нам о горячей ночи в Греческом театре. И «Матеуш», популярное в те годы вино, расслабит в ожидании прекрасного тоста. Я так и слышала, как Арнольд произносит тост за свое «сокровище»: «За нас, золотце!»

Услышав шаги Арнольда, поднимающегося в квартиру по лестнице, я бросилась встречать его, гордясь своим новым подтянутым телом, заметно постройневшим после недавнего набора веса: морковь и цветная капуста сделали свое дело. Как только он вошел в дверь, я раскрыла руки, демонстрируя связанный мной джемпер, призванный подчеркнуть мои таланты домохозяйки. Я продумала каждую деталь для того, чтобы очаровать его и чтобы заученная мантра «Смотри, Арнольд, я буду отличной женой» проникла в его душу.

Но Арнольд пребывал в необычном для него расположении духа – и это было плохим знаком. Куда подевался мой веселый друг? Как мы сможем обсуждать наши свадебные планы, если он чем-то расстроен? Переживая по поводу предстоящего разговора, я налила ему бокал вина, втайне надеясь на то, что пара глотков выведет его из такого состояния. Однако, усевшись за стол, я поняла, что приготовленный мной ужин не оправдал возложенных на него надежд: хлеб в корзинке подсох, морковь больше напоминала конфету, чем овощ, стейки были пережарены, а замороженные омары так и остались в своих панцирях. Думаю, ничто в тот момент не было так сильно напряжено, как мои нервы.

Переходя от омаров к пережаренным стейкам, мы слегка поужинали, перебрасываясь ничего не значащими редкими фразами, хотя обычно в наши разговоры невозможно было вставить слово. Почему весь вечер он был таким молчаливым? Тем не менее, несмотря на его настроение, я серьезно настроилась на то, что предстоящей ночью поговорю с ним о планах на будущее. И хотя речь была тщательно подготовлена, я поймала себя на мысли, что подбираю слова, с которых можно было бы начать разговор. Но стоило мне только произнести фразу: «Раз уж десерт на подходе, могли бы мы...» – как Арнольд с набитым засахаренной морковью ртом вымолвил: «Кстате сказать, умер мой отец».

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Я попросила Арнольда описать свое детство и поподробнее рассказать о том, каким он был сыном.

– Однажды наступает такой возраст, когда душа бунтует против устоявшихся порядков, и в этом возрасте все, что бы ни сказали родители, выглядит неправильно. Такое происходило и со мной, когда мне было 14—15 лет. Если родители говорили мне: «Волосы должны быть коротко подстриженными», я начинал их отращивать; когда же они соглашались: «Хорошо, пусть себе растут», я, наоборот, их укорачивал. Если они говорили: «Надень черную рубашку»,

я надевал белую, а услышав фразу «Надень шорты», надевал длинные брюки. Мне было неважно, что они говорили.

Его шуточные рассказы о своем подростковом возрасте вызвали во мне воспоминания о моем собственном «протестном настрое», который в семидесятые и подтолкнул меня к этому очаровательному силачу.

В поисках спокойствия

Задолго до того, как в мою жизнь вошел Арнольд Шварценеггер, оказав на нее огромное влияние, я придерживалась традиционных семейных ценностей. Мое детство прошло в зажиточном городе Сан-Марино – тезке старейшего независимого государства Европы. Мой родной город, расположенный недалеко от Пасадены, известной своими цветочными фестивалями, был одним из самых богатых в стране. Служебные успехи всех «отцов города» заносились в специальную «Голубую книгу Сан-Марино», и указанный в ней общественный статус каждого из них был даже более важен, чем номер телефона его семейства. К тому времени как я пошла в старшие классы, мой отец, которому похвастаться было особенно нечем, числился в книге как «строительный подрядчик». Мы, конечно, не сильно распространялись о том, что нашей матери приходилось подрабатывать, чтобы сводить концы с концами: подобные подработки в то время считались чем-то ненормальным, и наша семья предпочитала помалкивать об этом.

Сказать по правде, семья Аутленд отличалась от других семей Сан-Марино и всячески пыталась казаться лучше, чем была на самом деле. Мои родители перебрались сюда из небогатого пригорода Лос-Анджелеса после того, как получили здесь наследство, и отсутствие знаний по финансовому планированию давало о себе знать: наша семья жила явно не по средствам. Учитывая, что в семье было четыре дочери, каждая из которых представляла собой эмоциональную и финансовую головоломку для родителей, это самым серьезным образом сказывалось на нашем материальном состоянии. Постоянная нехватка денег приводила к большим скандалам между отцом и матерью, которые порой затягивались до поздней ночи. Как часто я ложилась спать с мольбой о том, чтобы их угрозы о разводе так и остались только угрозами!

После подобных сцен мы с сестрами просыпались, чтобы обсудить текущую ситуацию в семье. Все это закончилось тем, что папа с мамой решили прекратить жить не по средствам и уехать из города. Нашего отца уважали за его взвешенность: если мы хотели получить ответ на какой-то вопрос, он становился нашим лучшим советчиком. Честно сказать, он всегда был в курсе всех дел, а его чувство юмора и наблюдательность могли заставить толпу смеяться или удивляться его острому уму. Мы с девочками просто обожали отца, но вместе с тем хотели бы видеть его более энергичным. К сожалению, он так и не оправдал наших надежд. Мама запомнилась нам своим добрым и отзывчивым сердцем: если мы хотели получить новые теннисные туфли с шипами или разрешение пойти в гости к парню, то знали, что все это можно сделать через нее. Мы любили нашу активную, веселую маму, с удовольствием наблюдая за каждым ее движением, но хотели, чтобы она в большей степени контролировала себя, что с ее темпераментом было совсем не лишним. К несчастью, она так никогда и не добилась той обеспеченной жизни, к которой стремилась.

Я росла очень чувствительным ребенком и искала всяческие способы побороть свою детскую неуверенность. Даже сейчас у меня еще свежи воспоминания о детских увлечениях и забавах. Как самый обычный ребенок, я запускала палочки от мороженого по водостокам и любила кататься на велосипеде. Мне нравилось стучаться в двери к соседям и просить их пожертвовать игральные карты для пополнения моей коллекции. Не говоря уже о том, что я собирала самодельные игрушки и одежду, которые потом относил на ежегодный церковный аукцион. Я помню, как наслаждалась большим семейным ужином, на котором главным угощением была знаменитая баранья нога, приготовленная по особому маминому рецепту. После ужина, собравшись вокруг пианино, мы все вместе пели песни. Не могу не вспомнить и про походы в соседский бассейн, в котором можно было сделать свое фирменное сальто. Отдельным пунктом развлечений были наши семейные выезды в Южную Калифорнию, которыми я очень дорожила.

Но было совершенно неважно, как прошел мой день, ведь к вечеру я уже знала, что мама и папа обязательно приложатся к выпивке, и это меня очень сильно нервировало. Чтобы «заесть» проблемы, я стала налегать на сласти: доедала каждый оставшийся кусочек яблочного пирога за завтраком и увеличивала количество шоколадного печенья в своем пакетике для обеда. Я не могла дождаться того момента, когда мама объявит: «Сегодня вечером у нас на десерт будут шоколадные эклеры!» или «Получите сладкие лимонные палочки Ван де Камп, если съедите все овощи!» Налегая на сладости, чтобы успокоить нервы, я надеялась и верила, что однажды моя жизнь может стать спокойнее, – однако годы учебы в старших классах лишь подпитывали мою неуверенность.

В 1965 году, после двадцати пяти лет брака мои родители столкнулись с серьезной проблемой нехватки денег: их запросы подрывали наши финансовые запасы. Даже если бы мы перебрались в менее престижный район Хантингтон Драйв, наш дом по адресу 1595, Уэст-хейвен-Роуд нуждался в глобальном ремонте канализационной системы. Как раз в это время доходы от нашего наследства снизились, возможности отца покупать строительные материалы тоже были не на высоте, и каждый цент его скудного заработка уходил быстрее, чем приходил. Сложившуюся ситуацию усугубляло и то, что мы с сестрами были готовы потратить каждый доллар, заработанный потом и кровью. Чтобы выйти из этого бедственного положения, сократить расходы и прекратить поток звонков от кредиторов, родители продали наш дом в Кейп-Код, однако прибыль от его продажи составила всего несколько сотен долларов.

Не считая того, что теперь я не могла позволить себе наряды от Ланца или студенческие программы обучения за границей, я к тому же лишилась своих корней. Совершенно неожиданно для себя я осознала, что не могу больше рассматривать ставший мне близким Сан-Марино в качестве убежища. Более того, я не могу больше претендовать на прописку в этом четырехмильном оазисе и хвастаться тем, что самые богатые люди со всего мира были моими соседями. Теперь, словно простой турист, я могла лишь проходить по красивым извилистым улицам, заглядываясь на бесконечные акры лужаек и оранжерей. К огромному моему сожалению, только на правах постороннего я могла посещать городскую библиотеку Сан-Марино, любоваться японским садом и великолепными картинами «Девочка в розовом» Томаса Лоуренса и «Мальчик в голубом» Томаса Гейнсборо.

По причине тяжелого финансового положения моей матери пришлось стать управляющей в доме престарелых «Счастливая жизнь», а отцу – заняться поисками лучшей доли. На новой работе маме предоставили жилье, в которое мы и переехали всей семьей, и в свои семнадцать лет я оказалась среди живущих на пособие старых и дряхлых людей. Наше новое жилище располагалось на оживленной улице с удобными подъездами к дому, которые были специально сделаны для облегчения вывоза покойников автомобилями скорой помощи. В этом городе, населенном преимущественно представителями среднего класса, я жила вблизи ферм, и вместо пения птиц среди старых эвкалиптовых деревьев до меня доносился запах коровьего навоза, претивший моему нежному обонянию. Каждое утро я покидала Беллфлауэр, город голландских молочных фермеров, и за сорок пять минут добиралась до школы в Сан-Марино, которая представляла собой средоточие будущих юристов, докторов и генеральных директоров.

Понимая шаткость своего внешне благополучного положения, я была вынуждена делать большой крюк, дабы избежать встреч со старыми знакомыми из моего родного города. Вжимая до отказа педаль газа, я всеми силами старалась поскорее покинуть это унылое место, наполненное пожилыми людьми и коровами. Я пыталась убежать от самой себя, выдумывая различные заведомо нереализуемые способы защиты своего детства: меня так и подмывало проехать на красный свет или выехать на встречную полосу для того, чтобы вернуть хоть крупицу своего прежнего положения. В свои семнадцать лет я точно знала, что больше никогда в жизни не познаю подобных унижений. Мои защитники потеряли свои позиции, и мне было

стыдно от осознания того, что Аутленды больше не относятся к зажиточным семьям. Когда наши родители начали все чаще прикладываться к спиртному, мы с сестрами стали готовиться к худшему. Ко всему прочему, меня выматывали долгие поездки в школу, и я злилась из-за того, что мне приходилось брать в дорогу младшую сестру. Как человек, старающийся соответствовать своему окружению, я ощущала стыд за те уловки, на которые мне приходилось идти, дабы успокоить свое эго.

Однако к моменту окончания школы у меня были неплохие перспективы дальнейшей карьеры, особенно на фоне остальных учеников. В те годы, когда я училась в школе, отец часто рассказывал нам о статьях из газеты *Los Angeles Times*, а новостные репортажи открыли для меня дверь в большой мир. Надо сказать, что все новости сливались в один бесконечный список кровоточащих ран Лос-Анджелеса: бунт чернокожего населения в Уоттсе; студенческие собрания в Университете Беркли для защиты свободы слова в кампусах; трупы американских солдат во Вьетнаме; русские под властью Косыгина и Брежнева; голодающие китайские дети – жертвы революции. Каждый из этих несчастных, вне всякого сомнения, имел больше прав на сочувствие, чем я. Новые знания притупили мой гнев, предоставив мне примеры, с которыми я стала сравнивать свою малоприятную жизнь.

Я была одним из тех подростков, которые задумываются о природе человека, и всячески пыталась понять мотивы людского поведения. Размышляя над этим, я пришла к неутешительным для себя выводам относительно жизни в таких необычных условиях. Мне начала нравиться идея индивидуализма, и я почувствовала не только готовность отпраздновать окончание школы, но и свободу от необходимости притворяться представителем высшего класса: теперь Барбара Джейн Аутленд имела смелость пригласить к себе в гости подруг детства из Сан-Марино. Я бросала им вызов – прийти ко мне домой и посмотреть на то, как «БиЭй» существует на «неправильной» стороне жизни. Пусть они сравнят мое нынешнее положение с моим прошлым: прилежная ученица, любимица учителей, лидер школьного самоуправления, член клуба, капитан группы болельщиц. Девчонка, у которой всегда был парень, душа компании. Не стоит говорить о том, что я ревностно оберегала однажды созданную репутацию.

Мои друзья всегда знали, что я любила устраивать не совсем обычные вечеринки, и с удовольствием приняли странное приглашение. В назначенное время к нашему дому начали съезжаться гости; выходя из машины, они сразу же попадали в апартаменты управляющего, оборудованные всего лишь одной ванной комнатой. По пути от холла до лифта гости глазели на наших пожилых жильцов и нервно похихикивали над поникшими головами в креслах-каталках или бубнящими стариками, которые смотрели на них потускневшими глазами. Благодаря удачному стечению обстоятельств в тот день у соседских коров случился запор, и поэтому запах от них «поприветствовал» гостей только тогда, когда они пересекали дверной проем нашего гостеприимного жилища.

Несмотря на некоторую нервозность, я чувствовала огромное облегчение от того, что прошла «точку невозврата»: гости стали свидетелями моего существования в этом унылом доме, и к концу дня я уже буду знать, как мне жить с этим дальше. Очень скоро нам с друзьями придется попрощаться и столкнуться с реалиями студенческой жизни в колледже. Осознавая все это, мы плакали под песню *Yesterday* Пола Маккартни. Все двадцать человек, приглашенные на вечеринку, наслаждались уникальным коктейлем из юношеских слез, объятий и смеха в тот вечер празднования окончания школы. Затем наша развеселая компания погрузилась на машины и поехала в бухту Лонг-Бич, и здесь мы, намазавшись маслом для загара, подставили нашу молодую кожу приветливому солнцу Южной Калифорнии.

Когда мы небольшими группками позировали на пляжных полотенцах, я прошептала достаточно громко, чтобы все кругом услышали: «НЕ ПОВОРАЧИВАЙТЕ голову все разом, но зацените того парня вон там» – и указала носом направление. Конечно же, вся наша компания, проигнорировав мое замечание, тут же повернулась в указанном направлении.

Все мы совершенно бестактно начали отпускать шуточки и хором произносили: «Не может такого быть!» – его отчетливая мускулатура вызывала у нас юношеский сарказм. Все, что мы могли сделать, – наслаждаться нашим неудержимым смехом по поводу этого занятого парня.

«Мистер Тело» позировал в плавках бирюзового цвета, и его развитая мускулатура бронзовела от каждого лучика солнца. Никогда прежде мы не сталкивались с бодибилдерами, но хорошо понимали, что этот момент достоин того, чтобы быть увековеченным, и каждая из нас сфотографировала этого чудака на память. До сих пор эта фотография хранится в одном из моих альбомов, и запечатленный на ней культурист продолжает демонстрировать нечто такое, что однажды уже приковало к нему взгляд двадцати пар удивленных глаз. Если тогда он правильно истолковал наше внимание к его персоне, то его самомнение получило дополнительную поддержку; в противном же случае он мог просто впасть в уныние от наших насмешек. Сегодня мои друзья с трудом припоминают того парня из-за большого количества впечатлений и времени, прошедшего с тех пор, но я помню его потому, что мне пришлось воскрешать в памяти все события моей жизни. Выживание, как известно, зависит от наблюдательности, и я вполне заслуживаю пятерки за свою память.

Возвращаясь в тот день домой, я вспоминала две свои вечеринки, и, хотя у меня еще сохранились воспоминания о праздновании этого события с семьей, больше всего мне врезались в память личные переживания и размышления. Как мне сказать маме и папе о том, что я открыла тайну нашего жалкого существования своим друзьям? Новость о том, что я стесняюсь условий нашей жизни, вне всякого сомнения, огорчит их. Да и моя младшая сестра Салли опасалась, что с началом моего обучения в колледже она потеряет поддержку близкого ей человека. Я, конечно же, переживала за сестру, но была не в силах поддержать ее.

С другой стороны, я успокоилась относительно результатов своего социального эксперимента: друзья по-прежнему принимали меня в свой круг, и мое скромное существование оказалось не таким уж непреодолимым препятствием для нашей дружбы, как я полагала ранее. Мое хорошо сложенное тело, загорелое и подтянутое, отражало благоприятное расположение духа, но мне потребовалось много сил и мужества для того, чтобы побороть свои страхи.

В ночь после вечеринки я долго ворочалась и не могла уснуть: переживания прошедшего дня будоражили меня. Кто был этот парень на пляже? Его похожая на статую фигура не выходила у меня из головы и разбивала все мои прежние представления о мужественности. Я думала о нем, о его коже, на которой не было волос. Конечно же, у меня и мысли не было с ним встречаться – нет, нет и еще раз нет. Этот атлет выглядел слишком эксцентричным для меня, да и в придачу ко всему был великовозрастным иностранцем. Но по правде сказать, я была заинтригована его целеустремленностью в создании подобного тела.

Что у него за мотивация? Как много времени он проводит на тренировках для достижения подобного результата? Зачем ему эти горы мышц? Неужели кто-нибудь предпочтет его раздутое тело обычному спортсмену? Есть ли кто-нибудь на свете, кого любит этот человек, помимо себя? Может ли он говорить о чем-либо другом, кроме выполнения становой тяги? Кто знает? Может быть, он даже не говорит по-английски.

Этот парень, несомненно, выбрал для себя несколько странноватый путь «экзгибициониста», и сама жизнь поделилась тогда с нами этим чудаком. Я смеялась про себя во сне, представляя его нелепую мускулатуру, но вскоре забыла о нем, пока мне в конце недели не попался на глаза сделанный на пляже снимок. Когда сегодня я смотрю на эту фотографию из моего альбома, мне кажется, что он выглядит худоватым: с течением времени и с накопленным опытом наши взгляды имеют свойство меняться.

Тем не менее мое желание покинуть родной дом никуда не исчезло, и последние месяцы лета я жила только мыслью о том, чтобы уехать оттуда. Я хотела освободиться от стариков, коров, ночных пьяных родительских перебранок, дыма отцовских сигарет, менопаузы матери

и необходимости возить с собой младшую сестру. Подобно своим друзьям, я заслужила право на отдельное проживание, и обучение в колледже предоставило мне такую возможность. Я и мои школьные подруги стали студентками колледжа, а большинство из нас были белыми англосаксами протестантского вероисповедания поздних шестидесятых.

Несколько девочек из богатых семей уехали на Атлантическое побережье, другие переехали в Колорадо, а одна очень яркая девушка получила возможность продолжить свое обучение в престижном Стэнфордском университете. Большая же часть моих знакомых поступила в Университет Южной Калифорнии, ну а скромных возможностей нашей семьи хватило лишь на Университет Сан-Диего. Не нужно и говорить, что из-за такого положения вещей я чувствовала себя самым несчастным человеком во всем штате. Меня и моих друзей не особо беспокоили проблемы окружающих нас людей, и мы наслаждались нашим привилегированным положением жителей богатого города. От нашего взора, конечно же, не могли укрыться проблемы, которые активно обсуждались в студенческих кампусах по всей стране. Но сказать по правде, в глазах протестующих против военных действий, хиппи и либерально настроенных профессоров наши ценности выходцев из зажиточного города не стоили и ломаного гроша. Правда жизни состояла в том, что снобизм Сан-Марино не подготовил нас к совместному проживанию с нашими соседями по студенческому общежитию.

Немного отвлекаясь от своих мрачных мыслей мне удалось после того, как я заняла высокий пост в студенческом братстве «Каппа Альфа Тетта». Девушки, состоявшие в этом братстве, все как на подбор были статными и сообразительными блондинками, однако это не спасало нас от некой фальшивости в отношениях внутри коллектива. Но надо сказать, что ощущение фальши не охладило моего увлечения греческой культурой и искусством. Каждый вечер я посещала традиционный ужин для членов братства, неимоверно гордясь при этом своей принадлежностью к высшему студенческому обществу. Мой статус члена братства накладывал на меня определенные ограничения, и я старалась больше не курить в присутствии посторонних. Мне также приходилось много общаться с нашими преподавателями и просить их о помощи для улучшения своих оценок, которые шли в общий зачет братства «Тетта», – другими словами, я боролась за иллюзорное превосходство. Помимо всего прочего, я хранила девственность (с которой бы согласилась расстаться только в браке) для своего избранника. Он должен был быть членом братства «Сигма Альфа Эпсилон» или «Каппа Сигма», но уж никак не «Мистером Пляж», которого мы видели на вечеринке по случаю окончания школы.

Очень скоро студенческая жизнь начала крутиться в основном вокруг духа соперничества: мне приходилось унимать свое воображение и бороться с обуревавшим меня чувством зависти по отношению к лучшим ученикам колледжа, женским сумкам из кожи и великолепным балетным туфлям. Что касается политики, я насмеялась над людьми, сжигавшими флаги и требовавшими вывода войск из Вьетнама, а по возвращении в отчий дом яростно доказывала родителям, что Америка должна уйти из далекой азиатской страны. Меня также беспокоило то, что ребята из студенческих братств периодически избегали меня, тогда как в моем бойком воображении я одерживала победы над моими высокими белокурыми «соратницами», наличие мозгов у некоторых из которых было под большим вопросом. У меня, конечно же, были моральные принципы, но после убийства президента Кеннеди мой бунтарский разум решил, что Бога нет: он просто не может существовать в этом полном антагонизма мире, в котором убийство президента похоронило и иллюзию демократии. Если бы Бог существовал, разве бы он допустил подобное? Поэтому я уверовала в его отсутствие: нельзя верить в то, что не может доказать свое существование.

Пребывая в расстроенных чувствах, я была вынуждена бороться с лишними калориями, от которых мое тело определенно начало раздаваться. К такому положению вещей меня привело слишком частое участие в спорах «кто сможет съесть больше всего мороженого за один присест», поедание в больших количествах малиновых лакричных палочек и регулярное посе-

щение «попкорновых вечеров», которые были визитной карточкой наших девушек-блондинок. Я ела печенье, пончики, шоколадное мороженое и сладости из магазина. Каждый съеденный кусок отзывался болью в моем сознании и еще сильнее лишал меня уверенности в себе. Учебные дни превратились для меня в не связанные между собой двадцать четыре часа, большую часть из которых я поедала сласти, к чьему вкусу привыкла с детства.

Где-то глубоко внутри себя я понимала ту ситуацию, в которой оказалась: Барбара вела войну против «термитников в древесном мире». Эти «насекомые» вели подкопы под мой шаткий фундамент, «питаюсь» ночными новостями, в которых показывали ребят вроде Элдриджа Кливера, подливающего масла в огонь ярости «Черных пантер» в период борьбы за гражданские права, и Джеймса Эрл Рея, не давшего осуществиться мечте Мартина Лютера Кинга. В новостях показывали сюжеты о том, как сжигают флаг моей страны, и об убийстве еще одного представителя семьи Кеннеди палестинцами. Студентки срывали с себя бюстгалтеры, борясь за свободу самовыражения без оглядки на пол. Американцы больше не доверяли президентам Джонсону и Никсону, а мое поколение подселло на травку, ЛСД и галлюциногенные грибы.

Во время учебы я поддерживала хорошие отношения со своими друзьями детства, и перед окончанием колледжа мы с тремя моими подружками договорились снять квартиру для выпускной вечеринки. Каждая из нас должна была внести четверть суммы за аренду старенькой, но очаровательной квартиры в Санта-Монике. Тем летом шестьдесят девятого года мы все чувствовали свободу от студенческой жизни, наших «приемных семей» и бурных свиданий.

При осуществлении этого плана мне пришлось столкнуться с нехваткой денег; к тому же все мои подруги были при машинах, а у меня ее не было. Изрядно нервничая, я поделилась своими переживаниями с «приемными родителями» Джорджем и Луизой, отвечавшими за братство «младших сестричек». Со своими «приемными родителями» я всю жизнь поддерживала дружескую связь, и тогда они помогли мне решить проблему с деньгами. В то время они жили в шикарнейшем районе Лос-Анджелеса – Вестсайде – и были лично знакомы с владельцем знаменитого еврейского ресторана «Деликатесы Зака» в Санта-Монике. Они посоветовали мне устроиться туда на работу официанткой или продавцом-кассиром. Ресторан располагался на пересечении Пятой улицы с бульваром Уилшир, а я жила на перекрестке Пятой и Сан-Винсент и могла легко добираться до работы на автобусе. Это было не бог весть какое спасение на ближайшие двенадцать недель, но я училась жить отдельно и независимо.

Впервые в жизни я осталась без родительского «комендантского часа» и без воспитательницы, которая в случае необходимости могла разнять своих воспитанниц. В нашем студенческом общежитии на одну большую душевую приходилось сорок девчонок, а сейчас у нас было две ванн комнаты на четверых. Самой старшей из нас был двадцать один год, и мы были ничем не обремененными студентками, которые собирались прожить три месяца совершенно беззаботно. Тогда мне казалось, что, несмотря на некоторые огорчения в жизни, весь мир принадлежит мне.

Моим первым приобретением стала форменная одежда, большую часть которой я сшила сама на швейной машинке «Зингер», мысленно поблагодарив при этом школьные уроки труда. Результатом моих занятий кройкой и шитьем стал довольно милый наряд – нечто среднее между стилем хиппи и формой учеников частных школ. Такое облачение позволило мне, после того как схлынет утренняя толпа еврейских посетителей, приветствовать туристов и фланирующих в округе хиппи, которые забредали в наше круглосуточное заведение. В наряде, включавшем в себя кожаные малиновые туфли на каблучке и верхнее платье цвета лайма с вкраплениями розовых цветочков, я провожала посетителей к их стилизованным под пятидесятые годы столикам. Проводив гостей на место, я возвращалась в фойе, где продолжала отрабатывать жалованье улыбкой, от которой мои щеки постоянно уставали и болели. Иногда мне приходилось сидеть за стойкой с выпечкой нашего заведения и продавать ее посетителям. В такие

моменты я обычно припрятывала несколько печенюшек для себя и наловчилась съедать их так, чтобы проходящий мимо меня хозяин ничего не заметил.

Самым лучшим моментом дня было обеденное время, и я с наслаждением лакомилась сокровищами еврейской кухни – мацой и яйцами, пастромой или грудинкой с квашеной капустой. В один из самых обычных дней в период праздников по случаю Дня независимости я, как всегда, сидела за стойкой и сокрушалась о своей неустроенной личной жизни. В этот момент подошел мой начальник и сказал:

– Тот большой парень, который все время к нам приходит, хочет с тобой поговорить.

Я была поражена тем, что кто-то, похожий на того неприятного типа с пляжа, чей образ преследовал меня все эти годы, попробовал назначить мне свидание. Но процесс обретения статуса замужней женщины с одновременным получением степени в колледже в следующем июне, как ни крути, требовал участия двух сторон.

Два в одном – Арнольд и я, 1969

Первые свидания, 1969

Пока я в расстроенных чувствах доедала свой обед, над моим левым ухом кто-то произнес: «Ты есть такая сиксуальна, и я должен пригласить тебя на свидание».

Я обернулась на эти слова и где-то в глубине себя улыбнулась: это, определенно, был не тот «большой парень»! Но что это за создание Диониса, скажите мне на милость? Чьей настойчивости я должна поддаться? Какого-то вакханального гомосексуалиста? Тевтонского завоевателя? Пророка самого Аполлона? В тот момент, когда я взглянула в лицо ожившему герою мифов, меня охватило сильное влечение, очень похожее на то, в объятиях которого нашел свою смерть Нарцисс.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Во время нашей встречи Арнольд упомянул о том, что своими феноменальными успехами он обязан одному случаю, произошедшему с ним в детстве, после которого он почувствовал себя обманутым.

Заинтригованная таким заявлением, я поинтересовалась у него, про какой такой случай идет речь. Уж не про тот ли, когда родители отправили его в деревню, а сами вместе со старшим сыном Мейнхардом уехали в отпуск? Оказалось, что Арнольд говорил именно про него.

– Родители отправили меня в деревню к бабушке за пятьдесят миль от нашего родного города, а сами с моим старшим братом на две недели уехали в Зальцбург и Вену. Мне тогда было всего десять лет, и я не понимал, как родители могли так поступить со мной: сами поехали в отпуск, а меня отправили на два месяца к бабушке. Позже, правда, брат приехал ко мне, и мы до осени жили в деревне, но я так и не мог поверить, что они могли куда-то отправиться без меня. Тем не менее этот случай крепко засел у меня в голове и оказал на меня огромное

влияние. Положительным моментом всей этой истории было то, что я приобрел ценный опыт: бегал босиком, занимался тракторами и лошадьми – в общем, жил свободной жизнью. Играл в реке, дрался с местной ребятней. И это дало мне волю, собственные желания и заряд энергии, которого в «нормальной жизни» просто нет.

Это как тот итальянский актер, который выиграл Премию Академии и побежал за ней прямо по рядам! Он всех благодарил за то, что у него было очень трудное детство, и здесь я полностью согласен с этим парнем!

Мечты Арнольда

Тот парень, с которым я познакомилась у Зака, выглядел настолько необычно, словно свалился с луны. Как потом оказалось, даже для собственной семьи и сограждан этот австрийский паренек был странноватым: они не ценили Арнольда с раннего детства, и до пятнадцати лет никто не поддерживал его стремлений. В пятидесятых годах люди, жившие в деревнях наподобие Таля, особо не тратили время на распознавание талантов у ребенка – по крайней мере, такими были родители Арнольда Алоиса Шварценеггера.

Когда солдаты стали возвращаться домой после войны, они старались побыстрее обзавестись семьей. Отцу Арнольда, состоявшему на службе во время гитлеровской оккупации, было тогда тридцать восемь лет, и, несмотря на утрату веры после поражения Германии, он претендовал на главенствующую роль в семье. Он женился на матери Арнольда Аурелии, для которой этот брак стал уже вторым. Несмотря на разницу в возрасте в пятнадцать лет, 20 октября 1945 года пара Шварценеггер официально зарегистрировала свои отношения. Надо отметить, что, когда Арнольд был маленьким, его очень удивляло то, что его мать могла любить еще кого-то, кроме его отца. Густав и Рели, как он ее называл, внесли посильный вклад в послевоенный всплеск рождаемости: 17 июля 1946 года, когда Аурелии было двадцать четыре, на свет появился Мейнхард, а еще через год, 30 июля 1947-го, родился Арнольд.

В то время как Австрия приходила в себя после недавно отгремевшей войны, родители Арнольда служили на немецком участке австрийской таможни. У них не было никаких других идей по воспитанию детей, кроме как растить их в традициях выживания. Инфраструктура страны была разрушена войной, и требовалось основательно попотеть, чтобы заработать себе на кусок хлеба. Неудивительно, что восстановление довоенного уровня жизни стало для австрийцев главной целью, но вначале идея объединения разрозненных коммун в одну страну была очень призрачной.

Несмотря на то что важнейшей задачей австрийских властей стало послевоенное возрождение, требовались и определенные усилия для улучшения психоэмоционального состояния гражданского населения. Каждый, кто участвовал в боевых действиях, страдал от коллективного комплекса вины, а отрицание этой вины стало общим правилом. Ну а граждане, знавшие историю «из первых рук», предпочитали помалкивать и не особо распространяться о войне. Даже к моменту рождения Арнольда на душе его отца было беспокойно, и эхо войны постоянно звучало в их повседневной жизни. Семья полностью подчинилась милитаристскому режиму Густава, сутью которого стал окрик «Ахтунг!», – услышав его, Рели, Мейнхард и Арнольд должны были беспрекословно выполнять распоряжения отца. Слова «дисциплина, постоянство и самосовершенствование» стали их семейным девизом.

Для облегчения собственных страданий Густав напивался – чаще всего он нагружался «вечерним шнапсом», а вечером в пятницу вместе со своими друзьями устраивал общую попойку. На этих шумных сборищах они играли и рассказывали разные истории, а затем спотыкаясь шли домой к своим любимым женам. Отец Арнольда был склонен к проявлению неслыханной щедрости и тратил много денег из своего еженедельного заработка на пиво для своих друзей. Ради семьи Рели приходилось не только контролировать безудержные траты мужа, но и подрабатывать на стороне, чтобы купить товары, на которые не хватало заработка сельского полисмена. Закончилось все тем, что она привыкла действовать за спиной своего мужа, и это стало своего рода защитной реакцией на чванство и притеснения со стороны супруга.

Каждое воскресенье семья ходила на исповедь в церковь, где каялась в своих грехах местному священнику. Нельзя сказать, что родители Арнольда были набожными людьми, они просто следовали традиции, принятой в католическом обществе, и хотели, чтобы со временем их дети стали такими же – отличными австрийскими сыновьями. Нетрудно догадаться, что

главной во всем этом действе была внешняя видимость – одна сплошная внешняя видимость и слепое соблюдение однажды заведенных ритуалов.

После войны большинство австрийцев жили в сильной нужде, но отцу Арнольда удавалось извлекать выгоду из своего положения в городе. Любимым занятием местных жителей были пешие прогулки по соседним деревням, и, когда *герр* Шварценеггер по пыльной дороге приводил свою семью к соседям, те приветчали их. Домашние деликатесы – мясо под соусом, шницель, яблочный пирог, сыры и пиво – становились их воскресным обедом.

Здоровье было «пунктиком» Густава – повсюду он ходил только пешком. Рели выращивала овощи и держала небольшую ферму, что позволяло ей обеспечивать свою семью трехразовым горячим питанием, а ее муж, несмотря на свой суровый нрав, во время еды развлекал домочадцев разными занимательными историями. Во время каждого приема пищи Густав наставлял своих сыновей учиться пользоваться серебряными приборами, как того требовали строгие правила этикета. И еще они должны были держать локти прижатыми к талии, а если они этого не делали, то он хлестал их по щекам.

Отдых умиротворял Густава: ему нужно было отвлечься от военных воспоминаний и перфекционизма, и такой отдушиной для него стала классическая музыка. При этом он не просто уважал таких композиторов, как Бах и Моцарт, но и сам выступал в качестве дирижера в местном оркестре. Он проводил бесчисленные часы, слушая произведения этих музыкантов, и, казалось, его душа находила успокоение в этой великой музыке. Несмотря на то что сыновья Густава не разделяли отцовского увлечения при его жизни, его тяга к эстетике высокого искусства все же передалась им. Со временем Арнольд обнаружил в себе интерес к искусству, когда, воспользовавшись случаем, начал позировать под классическую музыку и собирать картины для своего будущего музея.

Тем не менее большую часть своего детства Арнольд провел в состязаниях, ведь его отец всячески поощрял дух соперничества в своих сыновьях – футбол, бокс и керлинг стали их любимыми занятиями. Братья часами тренировались в упражнениях с мячом, а Мейнхард даже стал местной футбольной знаменитостью. Парни не раз сходились в кулачной битве, и первенец Шварценеггеров в очередной раз стал звездой – на этот раз в боксе. Когда близлежащее озеро замерзло, они тренировались в запуске девятидюймового камня по льду, и Мейнхард стал отцовским любимчиком в игре в керлинг.

По заведенным в семье строгим правилам дети называли Густава «отец» (*Vater*) вместо обиходного «папа». Отец, будучи перфекционистом до мозга костей, заставлял сыновей состязаться в любом деле, будь то умственные забавы, школьные оценки или работы. Из-за разницы в возрасте Мейнхард обычно выходил победителем, и, помимо того что он снискал уважение со стороны родителей, он еще и умудрялся добывать себе карманные средства за счет денежных призов. У матери не было достаточно сил, чтобы вмешаться в этот неравный спор, и все, что она могла сделать, – это утешить своего младшего сына. Она, конечно, понимала природу детской ревности, но ничего не делала для того, чтобы изменить поведение своего мужа.

Когда ее сыновья стали взрослеть, у них обнаружился еще один общий интерес – женщины. Мальчики с легкостью завоевывали сердца сестер своих друзей, девочек из школы и туристов, приезжавших на озеро. Отец поддерживал подобное увлечение сыновей и даже выдавал каждому из них по бутылке пива, чтобы они могли укрыться со своей «добычей» в укромном месте. От взрослых людей смущенный от природы Арнольд узнавал множество интересных вещей о жизни, в том числе и об отношениях с прекрасным полом. Успех у женщин мог казаться ему обыденным, но, по всей вероятности, подобному положению вещей способствовала хорошо развитая мускулатура этого арийца. Очень может быть, что инициалы А. А. Ш. оставили свой след во многих женских сердцах.

Промискуитет не был, однако, проявлением неуважения к матери – на протяжении всей жизни она с нежностью относилась к своим сыновьям и проявляла материнскую заботу. Рели

была больше слугой, чем равноправным партнером для Густава, и ее молодые сыновья не могли по достоинству оценить ее жертву – только к двадцати пяти годам Арнольд стал воспринимать свою мать как равного себе человека.

Когда в период полового созревания Арнольд искал для себя примеры мужественности, он столкнулся с бодибилдингом. Играя в футбольной команде, мальчик познакомился с представителями атлетического мира Таля, которые занимались подъемом тяжестей в гимнастическом зале, и они пригласили его к себе. К пятнадцати годам главным занятием Арнольда стали упражнения для укрепления мышц ног.

В гимнастическом зале он нашел старые журналы по бодибилдингу наподобие тех, что выпускал Джо Уайдер. В этих журналах он впервые увидел рекламу «греческого телосложения» Рега Парка, и именно тогда у него сформировался взгляд на свое будущее. Несмотря на то что этому «Мистеру Вселенная» было всего девятнадцать лет, мальчик представил себя с такой же мускулатурой через четыре года. Арнольд был рад узнать, что Рег Парк заработал целое состояние при помощи своих мышц, и даже просмотрел все семь фильмов с его участием, в которых тот сыграл Геркулеса. Подросток проникся достижениями Рега Парка и решил повторить его жизненный путь. Таким образом, бывший британец, а теперь – «икона» Южной Африки стал невидимым ментором Арнольда. Другой известный бодибилдер, Стив Ривз, тоже получил свою долю признания от Арнольда, но Рег Парк полностью завладел воображением юноши, и тот хранил его образ в своих глазах и своем сердце.

Арнольд перед съемками фильма «Геркулес в Нью-Йорке», 1969

Он тренировал свою мускулатуру с таким усердием, что со временем стал настоящей машиной из плоти и крови, а с каждым жимом масса его тела росла. Арнольд приказывал своей крови смешивать протоны и нейтроны и получал на выходе «взрывчатое вещество», а каждое новое упражнение приводило его в состояние эйфории от роста и укрепления мускулатуры. Благодаря хорошим генам Арнольда его мышечная масса росла головокружительными темпами, и каждый день он и его приятели могли оценивать результаты занятий.

Благодаря бодибилдингу подростковая жизнь Арнольда приобрела смысл: он ел, спал, работал, фантазировал, думал, верил и доверял только этому занятию. Бодибилдинг стал целью его существования, его «заветным ковчегом». Все остальные занятия, будь то семейные обязанности или разработка плана упражнений, стали просто средствами поиска необходимого баланса его тела и разума. Нарастивание мышечной массы стало для него спасением: физические упражнения позволили ему переносить придирки своих родителей и насмешки над своим причудливым подростковым телом. К тому же он пожертвовал спокойной сельской жизнью и тем эмоциональным теплом, которое может дать девушка. Он отбросил все принятые нормы поведения для того, чтобы стать Личностью, европейским Регом Парком.

Арнольд стал мастером в самодисциплине и не только совершенствовал мускулатуру, но и укреплял свою волю: у него не было времени нянчиться с нытиками и эмоциональными вампирами. Матереющий бодибилдер обдумывал каждую деталь и находил общий язык только с теми, кто разделял его страсть к спортивному оборудованию и измерительной рулетке. Несмотря на то что Арнольд чувствовал себя уверенно во всех видах спорта, он понимал, что для достижения лучших результатов в любой дисциплине ему нужен хороший тренер, – в выбранном же им бодибилдинге он пока продвигался вперед только маленькими шажками. У него созрел жизненный план, целиком построенный на мускулах: уехать из города, из страны, с континента; и, хотя его смышленность не нашла отражения в табели успеваемости, он, словно по мановению волшебной палочки, достигал своих целей.

Правда это или нет, но Арнольд всегда чувствовал себя нелюбимым сыном: Мейнхард был старшим ребенком и на правах первенца получал родительское расположение. С давним чувством обиды Арнольд рассказывал мне о фаворитизме родителей: они упрятали его на ферме, тогда как сами уехали на свои первые каникулы. В то время он наслаждался пасторальной сельской жизнью, но когда узнал о родительских интригах, то был уязвлен в своих самых лучших чувствах. Как они могли взять в Вену только старшего сына, а его оставить? С осознания родительского предательства и той боли, которую они причинили ему своим пренебрежением, берет свое начало вера Арнольда в себя.

Он пошел бы на многое, чтобы заслужить признательность отца, но симпатии родителя были целиком и полностью на стороне Мейнхарда. Братья дрались за родительскую любовь, обвиняя друг друга в своих страданиях. Бойцы дошли до самой последней грани в своем противостоянии в детстве и юности, но никто из них не оказался достаточно зрелым для того, чтобы выкинуть белый флаг. После окончания школы Мейнхард перебрался в Мюнхен, и с этого момента у братьев стало меньше поводов видеть друг друга.

Арнольд занялся самопознанием, и его исключительные способности к концентрации стали хорошей отправной точкой для веры в себя, а большие амбиции, по всей видимости, были «прошиты» у него в ДНК. Он не особо беспокоился о том, что тяга к силовым занятиям была вызвана его незащищенностью, – в какой-то момент он просто осознал, что его необыкновенная мотивация базировалась на причудливой смеси разных обстоятельств: врожденной силе, семейных трудностях и великолепных генах. Где-то в глубине души Арнольд понимал свою чужеродность в семье: он был чужим своему отцу-перфекционисту, раболепной матери и удачливому старшему брату.

Этот австриец, нерадивый ученик и нелюбимый сын, очень точно сформулировал свои желания: он знал, что обычное образование не принесет ему желаемых результатов по причине того, что существующий стереотип европейской образовательной системы подразумевал успехи в карьере только за счет наличия достижений в учебе. Невысокая успеваемость в школе подтолкнула Арнольда к самому простому решению для достижения карьерных вершин: к восемнадцати годам он полностью уверился в том, что наука и профессиональное образование не пригодятся ему при построении карьеры.

Для получения нового жизненного опыта Арнольд решил пойти на военную службу – даже несмотря на то, что это должно было отнять у него целый год жизни. Связи отца, служившего в свое время в армии, помогли ему в этом начинании, и в возрасте семнадцати лет он был зачислен на службу в качестве водителя танка. Надо сказать, что благодаря выбору такого места службы его тяга к силе, мощи и контролю получила новую подпитку. Здесь он имел возможность поднимать тонны железа, преодолевать любые препятствия, слышать грохот выстрелов и отдавать приказы своим товарищам – такая «игра в войнушку» стала раем для Арнольда и заложила в нем шаблоны сильного и решительного поведения в жизни.

За время службы он даже умудрился схлопотать парочку выговоров – за разбитый джип и уход в самоволку для участия в спортивных соревнованиях, проводившихся в соседней Гер-

мании. Тем не менее, несмотря на свои армейские приключения, гражданин Арнольд Шварценеггер был с честью уволен со службы в 1965 году и после армии перестал рассматривать свою маленькую страну как место осуществления своих мечтаний.

Тех достижений, которых он добился к моменту окончания службы в армии, ему явно было мало: смысл своей жизни он видел только в борьбе за следующую цель. У этого мышленного малого всегда было чутье на подходящие для изменений в жизни моменты, и если подумать, то его выбор выглядит экстраординарно – но в реальности его постоянное желание одерживать победы приводило к спонтанным действиям. Ясность и последовательность поступков происходила от ясности его мыслей, и Арнольд действовал так, как будто в жизни его вело само провидение, – фактически он сам стал своим поводом.

Следующим этапом в жизни Арнольда становится немецкий Мюнхен – с закаленным армией характером, охваченный жадой приключений и мировыми амбициями австрийский юноша приехал в этот старинный город. После переезда в Мюнхен Арнольду пришлось пару раз столкнуться с нечистыми на руку предпринимателями, но в конце концов он нашел себе место инструктора в спортивном зале. Заработков от тренерской работы Арнольду вполне хватало на одежду, крышу над головой и питание для его атлетического тела. Со временем он даже купил первый в своей жизни автомобиль, «Опель», и гонял на нем по городу, собирая попутно штрафы за езду по тротуарам. Арнольд был рад своим новым знакомствам, и результаты не заставили себя долго ждать: в 1966 году он выиграл три соревнования.

Пока Америка переживала бурные шестидесятые, Арнольд занимался своими делами в бойком европейском городе. В этой «самой большой немецкой деревне» он не просто жил, но еще и постигал гедонистические, плотские радости. Центральная площадь Мюнхена, родина «Хофбройхауса», полностью отвечала его желанию повысить уровень адреналина: этот многолюдный город давал выход животным инстинктам, и среди его мюнхенских друзей числились сутенеры, охранники и вышибалы, большая часть из которых была быстра на расправу. Арнольд с друзьями слонялся по улицам и барам, ища слабых, для того чтобы в кулачном бою потешить свое самолюбие.

Большие мускулы обеспечивали внимание немецких *фрейлейн* легкого поведения и легкий секс с ними. Некоторые женщины, занимавшиеся в спортивном зале, тоже были не прочь поразвлечься, если «повелитель» их позовет, что он часто и делал. Можно с уверенностью сказать, что, помимо бодибилдинга, главной движущей силой этой компашки были сексуальные развлечения. Но все это были лишь мимолетные связи – как будто все бодибилдеры подписали кровью клятву избегать крепких отношений. В мире бодибилдинга не было места чувствам к женщине: эмоциональную подпитку эти атлеты получали, только «качая железо».

Тем не менее Арнольду все же пришлось столкнуться с некоторыми неприятными моментами: его брат Мейнхард поселился вместе со своей девушкой Эрикой в Мюнхене. Хотя они редко видели друг друга, Арнольда возмущало беспечное поведение брата в пивнушках. Несмотря на свое не слишком серьезное отношение к женщинам, Арнольд был уверен, что Мейнхард пренебрегает семейными обязанностями, оставляя беременную возлюбленную дома одну.

Оба брата редко виделись с родителями, которые так до конца и не осознали причин отъезда сыновей в чужой город, и Арнольд чувствовал себя одиноким. Он не мог наладить серьезных отношений, ведь вокруг не было никого, кто бы разделял его стремления к саморазвитию, успехам в бодибилдинге и достижениям в бизнесе. Даже не все его приятели могли понять всю серьезность его жизненных притязаний, но, к счастью, он был самодостаточным человеком и мог контролировать собственные эмоции. Тренировки в зале занимали большую часть его жизни, позволяя ему привлекать столько преданных фанатов, сколько только было возможно. Постепенно он стал лидером группы бодибилдеров, ее наставником и вдохновите-

лем, подтрунивал над соперниками, а его магнетизм и беспечность притягивали сторонников и отталкивали противников.

Так, однажды к Арнольду подошел невзрачный с виду посетитель зала и спросил его о СЕКРЕТЕ, при помощи которого он добивается таких успехов в бодибилдинге. Жесткий тренер склонился к уху своего приверженца и прошептал специальную формулу: «Слушай очень внимательно. Тебе надо поти и купить упаковку мази „Бен-Гей“ и тихонко ею намазаться с ног до головы перед следующей тренировкой, и ты себя не узнаешь после нее». В защиту подобной шутки Арнольд сказал: «Если парень настолько ленив, чтобы спрашивать про секрет успеха, он впалне заслуживает такого совета».

Понятное дело, что за внушительной мускулатурой стояли упорные тренировки, и к 1967 году Арнольд серьезно нацелился на победу в соревновании «Мистер Вселенная» в Лондоне. На фоне достигнутых успехов у него росла уверенность в том, что он может занять заметное место в этом шоу-бизнесе. Арнольду было хорошо известно, что на этих соревнованиях ему придется столкнуться как с корифеями, так и с новичками, но он был уверен, что с помощью своей мускулатуры завоюет первое место.

Он начал подготовку к соревнованию с массовой саморекламы, в которой говорил о своих притязаниях на титул, используя при этом весь свой шарм и очарование. Задолго до начала состязаний он проиграл в голове сценарий своей победы, визуально представив, как плененные его мускулами эксперты вносят оценки в протоколы. В отличие от других участников соревнований, этот двадцатидвухлетний парень понимал важность психологической подготовки и поэтому не скупился на комплименты судьям: «Только вы есть знать, что такое отличное сложенное тело» – и подтрунивал над соперниками: «У тебя такая бледная кожа, что твоих мускулов даже и не видно».

Подготовительные мероприятия перед соревнованиями не прошли даром, и Арнольд Шварценеггер стал самым молодым «Мистером Вселенная». Сейчас, конечно, трудно понять важность той победы, но главным ее результатом стала убежденность Арнольда в реальности осуществления своих жизненных планов. После любого соревнования он обычно говорил: «Эта есть только первый шаг – пададите до следующего года, и я удивлю вас еще больше. Вы никогда такого еще не видели!»

Неспособность испытать удовлетворение от достигнутых результатов стала основной причиной триумфа Арнольда на соревнованиях: он всегда считал, что эмоции от одержанной победы должны бить через край. Детские обиды вели его вперед: «Смотри, отец! Посмотри на меня. Я есть самый большой в мире чиловек. Можешь ты это панять?» – а со стороны казалось, что Арнольд примерял на себя новый титул еще до своего выхода на помост. Этот бессознательный крик, должно быть, долетал через границу до самого Таля.

Победа в соревнованиях «Мистер Вселенная» в 1967 году стала поворотным моментом в карьере Арнольда: на лондонском помосте ему удалось привлечь к себе внимание влиятельных людей. Джо Уайдер, магнат из мира бодибилдинга, пригласил Арнольда поработать в свой журнал *Muscle Builder*. При помощи нового харизматичного бодибилдера Джо планировал увеличить сбыт своих товаров для спортсменов, а Арнольд благодаря выдающимся предпринимательским талантам Уайдера стал настоящей «иконкой» бодибилдинга.

Перерезать «пуповину», соединявшую Арнольда с европейским континентом, было несложно, и, хотя у него здесь было много знакомых и друзей, ни один из них не смог удержать его в Мюнхене. Единственным по-настоящему ценным для Арнольда человеком был выходец с Сардинии Франко Коломбо, но даже ради него Арнольд не был готов отказаться от продолжения своей карьеры в Америке. Он улетел к новому партнеру, надеясь уговорить Джо выпить в США своего давнего итальянского приятеля. Что же касается личной жизни, с собой в Штаты Арнольд увез лишь один адрес – некой Патти, стюардессы из Лондона, которая получила отставку еще до его следующего приезда в Англию. Нескольким бизнесменам и фотогра-

фам посчастливилось обменяться с ним контактами, и в конечном счете двое немцев извлекли из этих сведений определенную выгоду.

Перешагнув рубеж в двадцать один год, *герр* Шварценеггер приехал в Америку для участия в соревнованиях, проходивших в Майами. Вдохновленный победой, одержанной в Лондоне, Арнольд был в полной уверенности, что добыть третий титул «Мистер Вселенная» не составит большого труда. Но преградой на пути к легкой победе стал Фрэнк Зейн, которому Арнольд проиграл в финальном состязании. Всего лишь за неделю до соревнований «Мистер Вселенная» Фрэнк Зейн завоевал титул «Мистер Америка», был в отличной форме и имел все основания получить звание суперзвезды бодибилдинга. Арнольд вступил в борьбу с великолепно тренированным, обладавшим хорошей симметрией телом Фрэнка и понял, что одной только мышечной массы для победы уже недостаточно. Этот проигрыш стал для Арнольда одним из тех случаев, когда он дал волю своим чувствам: заносчивый европеец был посрамлен, но сексуальная связь с горничной из флоридской гостиницы подсластила горькую пилюлю.

После завершения соревнований во Флориде Арнольд поехал в «Ка-ле-форн-ею», настоящую Мекку для иностранцев, и был рад оказаться в «Санкта-Мо-нее-ке» – сексуальном рае для бодибилдеров. Здесь, казалось, оживали воспоминания о великих бодибилдерах своего времени – Стиве Ривзе, Джеке Лалэйне и Микки Харгитее. К 1968 году старый «пляж культуристов» находился в забвении и нуждался в возрождении: старые добрые дни, когда фанаты наблюдали за качающимися железом мускулистыми парнями в бикини, прошли безвозвратно, а сам пляж со временем стал объектом для шуток местных жителей.

Когда-то в старых комиксах Чарльза Атласа изображался мускулистый человек, произносящий знаменитую фразу: «Не позволяй им бросать песок себе в лицо», но теперь имя этого автора использовалось лишь в саркастическом контексте, когда надо было сослаться на бодибилдеров, «мечтающих о реванше». К 1969 году сам термин «бодибилдер» стал метафорой неуверенного в себе и замкнутого человека, тщеславного фата и в дополнение ко всему латентного гомосексуалиста. Но Арнольд был воспитан на старых журналах, пропитанных духом «пляжа культуристов», и стал частым посетителем этого знаменитого в прошлом места, постепенно меняя отношение общественности к нему.

Хотя новый житель страны провел целых семь лет за изучением английского в школьной системе Австрии, к моменту переезда в США у него были минимальные знания языка. Несмотря на обычную для него уверенность, Арнольду пришлось столкнуться с трудностями в общении и полагаться в разговорах в основном на язык жестов. Проблем добавляло и то, что он говорил на нижненемецком диалекте, придававшем его речи тяжелый акцент. Арнольд, правда, был большим мастером в языке любви, и очарованные им партнерши еще и давали ему уроки английского языка. Другим ценным источником языковой практики, помимо занятий на мимолетных свиданиях с девушками, стало для Арнольда общение с приятелями по спортивному залу, с помощью которых он выучил простейшие синтаксические конструкции и пополнил свой лексикон парой сотен слов.

От своего первого американского тренера Арнольд получил совет разнообразить занятия при помощи отдельных тренировок. У Арнольда всегда были хорошие напарники, и если один из них говорил ему: «Надо закончить подходы после пяти повторений», то Арнольд вторил в ответ: «Сделаем еще один подход и закончим. Давай, делай!» После этого он брал штангу или гантели и поднимал их до тех пор, пока на голове не проступали вены, а лицо не становилось синим. Если же он бросал вес от боли, то, утерев лицо, делал очередной, «штрафной» подход.

Во время своих первых занятий в Америке Арнольд завязал знакомство с несколькими людьми, которые стали его друзьями на всю жизнь, партнерами по тренировкам и развлечениям. Вместе с новыми друзьями он часто шутил и смеялся, а они, в свою очередь, водили его в забегаловки, загорали с ним на «пляже культуристов», приглашали в кино и помогали организовывать свидания, а также рассказывали о политическом устройстве США.

Прибытие Арнольда в Америку совпало с обострением общественной обстановки: события во Вьетнаме были в самом разгаре, а сомнительный актер Рональд Рейган, недавно перешедший на сторону Республиканской партии, уже год был губернатором Калифорнии. Полным ходом шла президентская предвыборная кампания, конкурентами в которой были Ричард Никсон и Герберт Хемфри. Приятели Арнольда давали ему пояснения относительно устройства двухпартийной системы и рассказывали, каким образом американцы избирают президента страны. Если Арнольд был когда-то социалистом «по рождению», то под влиянием философии Никсона он совершенно переродился: новый иммигрант стал приверженцем духа свободного предпринимательства.

Первое время после приезда в Америку Арнольд в точности выполнял требования своего строгого босса, но и Джо Уайдер понимал, что связал себя пятилетним контрактом со звездой бодибилдинга, от которой в немалой степени зависело его будущее. Выплата Арнольду высокого для того времени жалования была уступкой со стороны Джо, за что его протеже демонстрировал невиданное уважение. Между Джо и Арнольдом, конечно, возникали разногласия по поводу соблюдения контракта и размера зарплаты, но каждый из них понимал важность сохранения партнерских отношений. Они могли повысить голос друг на друга, обсуждая детали контрактных обязательств, но уже минуту спустя громко смеялись над какой-нибудь дурацкой шуткой.

Уладив дела, Джо начинал исполнять роль отца, давая Арнольду советы о том, как лучше извлекать прибыль из мировых событий, истории и самоанализа. В ходе подобных наставлений Джо обнаружил у Арнольда эдипов комплекс и старался подвести его к идее поиска «матери» в какой-нибудь девушке. Бодибилдер всегда воспринимал подобные комментарии с сарказмом и вопросы взаимоотношений предпочитал обдумывать в моменты уединения. Тем не менее Арнольд смог найти в Джо любящего «отца».

Благодаря обширной сети контактов Джо Уайдера Арнольд познакомился с американо-японской парой – Митсом и Дот Кавашима. Эта семья держала один из самых посещаемых залов в Гонолулу и помогала организовывать различные рекламные акции в Вайкики. Однажды они пригласили двух самых заметных в мире бодибилдеров для проведения рекламной кампании. Одним из приглашенных был «Мистер Вселенная» и подающий надежды актер Дэйв Дрейпер, другим – восходящая австрийская звезда, также недавно завоевавший титул «Мистер Вселенная» Арнольд Шварценеггер.

После того как бодибилдеры прибыли на место, выяснилось, что бизнесмен, отвечавший за проведение мероприятия, уехал, лишив тем самым Арнольда и Дэйва положенного им вознаграждения. Три недели им пришлось провести в Вайкики, ожидая разрешения Джо на возвращение в Калифорнию, и семья Кавашима взяла их под свою опеку. Они водили Арнольда и Дэйва в рестораны подальше от их непрезентабельного отеля, позволяли им заниматься в своем спортивном зале и выполняли роль гидов. Однажды ночью Митс даже повел их на фильм для взрослых, или, как он сам называл кино подобного сорта, «фильм Микки-Мауса». «Эта есть фо-нта-сте-ка!» – сказал Арнольд после просмотра пикантной картины.

Он видел, что Митс и Дот отлично заботятся о своем спортивном зале и поддерживают друг друга, ну а прибыли, получаемой от бизнеса, супругам хватало на хороший уровень жизни. Арнольду импонировал эстетический вкус этой супружеской пары, отражавшийся в картинах, которые украшали их жилище, и он восхищался той поддержкой, которую Дот оказывала мужу, ее способностями в ведении бизнеса и здоровым микроклиматом в семье. Митс же всегда обсуждал с женой все свои дела и брал ее во все поездки.

Чете Кавашима нравился этот огромный австриец, и Дот с удовольствием делилась с ним своими секретами правильного питания. Митс, в свою очередь, поддерживал идею Арнольда о возможности получения дохода в мире фитнеса. Супруги Кавашима приняли Арнольда в свою семью, и этот молодой человек стал для них своего рода приемным сыном. Что же

касается Арнольда, то он с большим уважением воспринимал такое отношение к себе, хотя, по правде сказать, это было несколько неожиданно для такого заносчивого и агрессивного юноши.

Товарищ Арнольда по несчастью в связи с пребыванием в Гонолулу, Дэйв Дрейпер, был ходячим кладезем знаний, представлявших определенный интерес для австрийца. Дэйв был чуть старше Арнольда, хорошо сложен и источал добродушие. Именно он тогда предложил молодому австрийцу попробовать марихуану, от которой Арнольд пришел в восторг. Арнольду понравился эффект от употребления наркотика, после которого случался приступ смеха и тянуло к «нездоровой пище». Можно со всей уверенностью сказать, что, несмотря на некрасивое поведение людей, уговоривших бодибилдеров приехать в Гонолулу, но так и не выполнивших своих обязательств перед ними, эта поездка, по мнению Арнольда, стала «сам-ай лу-шей!».

После возвращения домой Арнольд набросал план предстоящих мероприятий на ближайшие полгода: до соревнований на звание «Мистер Вселенная» и «Мистер Олимпия» оставалось всего 180 дней, и на счету была каждая секунда. Дело было перед новогодними праздниками, и Арнольд сформулировал для себя пять вопросов, требовавших обсуждения с его американским спонсором: снять квартиру вблизи спортзала *Gold's Gym*, подобрать себе в напарники человека с хорошей мотивацией, договориться с людьми, которые бы помогли ему в написании статей для журнала, достать машину и увеличить свое жалование.

На ломаном английском Арнольд сделал своему партнеру следующее предложение:

– Джо, послушай. Я нашел квартиру на Стренде, неподалеку от Тард-стрит, и хател бы предложить тебе сделку. Ты помогаешь перебраться сюда из Германии Франко Коломбо для наших савместных тринеровок и обеспечиваешь нам машину. И, эта, еще – я хочу получать больше денег каждый мисяц, и мне нужна помощь писателей для составления моих стотей. Обеспечь мне все это, и я зоработаю для тебя миллионы!

Арнольд смог убедить Джо выполнить все его просьбы: он всегда командовал другими людьми с улыбкой на устах.

Офис губернатора Шварценеггера, 17 июня 2004 года

Пока я сидела напротив Арнольда в его офисе, невольно задумалась о наших постаревших телах. Когда-то давно Арнольд всячески поощрял мое стремление держать себя в форме, хотя мне всегда казалось, что дополнительная дисциплина мне бы не повредила. Тем не менее даже сейчас он находился в очень хорошей физической форме, хотя, конечно, и не в такой, как в молодости. Надо, однако, сказать, что именно его приверженность физическим упражнениям стала той тропкой, которая привела его в губернаторское кресло, и мне бы хотелось расставить все точки над *i*.

– Я всегда хорошо знал, что бодибилдинг был для меня всем. Мне прекрасно было известно, каких результатов я могу достигнуть, и такое видение давало мне огромную мотивацию. Вместо того чтобы заниматься по два часа в день, как это делали остальные ребята, я тренировался два раза в день по два часа. Мой подход к тренировкам был совершенно фанатичным: иногда я занимался три раза в день, а иногда и четыре. Когда я, к примеру, шел домой на обед, у меня в запасе был целый свободный час, и я занимался приседаниями, для того чтобы быть первым.

Арнольд также знал, что тренировать нужно не только тело, но и разум и дух, или, как он это называл, «моделирование будущего». Он понимал, что потенциал есть у многих людей.

– Чем отличается чемпион от парня, занявшего второе место? У чемпиона есть психологическое преимущество. Ведь все зависит от психологического настроения, – добавляет он. – У меня было психологическое преимущество, потому что я мог создавать вокруг себя вирту-

альный мир, – ведь настоящей реальности вокруг меня было очень мало: телевидения тогда еще не было, а первый фильм я увидел в десять лет.

Каких-то других дополнительных преимуществ у меня не было. Но мне было легко развить у себя правильный настрой: «У меня есть только один путь уехать из нашего города, уехать из нашей деревни. Возможно, я смогу получить приглашение от кого-нибудь из американцев». И... это было как у Мухаммеда Али, когда он говорил о своем пути вверх: «Кроме бокса, у меня нет другого способа выбраться из гетто». Когда я в черно-белых фильмах впервые увидел Нью-Йорк, его высотки и большие автострады, то спросил сам себя: «Почему я здесь? Что я здесь делаю?»

Приехав в Америку, я был точно уверен, что в конце концов оказался дома. Я всегда чувствовал, что приеду сюда и что дорогу мне проложит бодибилдинг. О каком-то другом пути я не мог даже и помыслить.

Австрийский Дуб пускает корни

Одним июньским днем в ресторан «Деликатесы Зака», что в Санта-Монике, вошел огромный силач, сопровождаемый Робертом Кеннеди, издателем журнала для бодибилдеров. Как представитель ресторана, я усадила их на место, лишь скользнув взглядом по мускулистому феномену, который сказал мне:

– Не валнуися, у миня есть твой нумер.

Не понимая, что он имел в виду, я пожелала гостям приятного аппетита и, удивленная, удалилась.

Только позднее Роберт рассказал про то, что случилось за их столиком. «Мне по-настоящему нравится это деф-ушка», – признался Роберту этот ходячий анатомический атлас.

– Арнольд ни об одной девушке никогда не говорил ничего подобного, – рассказывал мне Роберт. – Уверяю тебя, Барбара. Уверяю тебя.

Однажды в июне я сидела за стойкой и обедала, когда кто-то, обращаясь ко мне, сказал с тяжелым акцентом:

– А, превет.

Я повернулась на стуле, чтобы посмотреть на того, кто это произнес. *Вот же блин!*

Его следующие слова были еще более странными, чем он сам:

– Ты такая сыксуальная, и я хачу пайти с тобой на сведание.

Ух ты! Я сексуальная? Но, черт побери, кто этот ненормальный? Я почувствовала, как у меня вскипела кровь, а мысли спутались. Мне стало как-то не по себе от одной только мысли о свидании с... кем? Я даже не знала, как к нему обращаться: «инфернальный монстр» или «Адонис из другого мира»? И это что-то с чем-то устало на меня с вызывающей улыбкой. Мои мысли улетели куда-то за горизонт, и для того, чтобы собраться, я набила себе рот жареной картошкой. Мне надо было что-то ответить, но что я могла сказать? Так я и сидела, улыбаясь, словно овечка, и поедая очередную порцию жареной картошки, пока не поняла, что пауза несколько затянулась. «Сейчас произойдет что-то интересное!» – подумала я.

Слово «произойдет» подействовало словно стимулятор на его неандертальский оскал, и я, нервно улыбаясь, посматривала на иностранца. Наши провокационные усмешки повлияли на нас как афродизиаки. Когда он выходил из ресторана, унося в своем кармане написанный на салфетке мой номер телефона, я проводила его взглядом. Никогда бы не подумала, что мне могут сделать такое предложение: меня словно включили в список полетов на Луну, которая вращается вокруг Земли, – оборот за оборотом, невзирая на силу притяжения.

Вечером, вернувшись с небес на землю, я поведала своим соседкам по квартире о забавном знакомстве с бодибилдером – мы с ними посмеялись и пообсуждали вероятность его звонка. В нашей памяти всплыл тот одетый в бирюзовые плавки силач с пляжа, которого мы видели три года назад и прозвали «Мистером Лонг-Бич». «Только этот-то, девочки, такой, которого вы точно никогда не видели. Он просто катастрофически огромен, прямо как Гаргантюа! О боже, мне точно не надо было давать ему свой номер телефона – я так подставилась!»

Наши насмешливые разговоры затянулись до поздней ночи, и незаметно для себя мы с Линн уснули. Помня о беспечности парней, мы решили, что он никогда мне не позвонит из-за своей короткой памяти на мимолетные разговоры с девушками. Тем не менее я чувствовала себя словно скованной, разрываемой на части противоречиями, и мне было трудно определиться со своими желаниями.

Такая громадина, как Арнольд Шварценеггер, явно выходила за пределы моих ожиданий – ведь всю свою жизнь я стремилась к традиционным в моем понимании мужчинам, чьи физические занятия ограничивались игрой в гольф или теннис да участием в школьной команде по американскому футболу. А этот мужлан совсем мне не подходил – дайте мне, пожа-

луйста, обычного парня, а не какого-то переростка! Но как бы то ни было, это знакомство стало для меня единственным за то лето. У меня, правда, был за плечами опыт нескольких долговременных отношений, но мне захотелось чего-то нового. Как только я представляла себе этого экзотичного нонконформиста в качестве моего нового увлечения, так меня сразу же охватывал страх, что он мне все же позвонит... или не позвонит... позвонит... не позвонит... И он позвонил. Я хорошо помню, как той ночью услышала в трубке его слова, произнесенные с акцентом:

– Бар-бха-ра, эта Арх-нолд. Я не магу найти место, гди ты живешь!

Потребовалось еще два телефонных звонка с уточнением маршрута поисков, прежде чем в нашу дверь позвонила эта 120-килограммовая туша. Однако после его прихода мой интерес к визитеру очень быстро угас, и я стала невольной заложницей нашего черно-белого телевизора. Наш гость уставился в экран, где показывали Нила Армстронга, готовящегося сделать «огромный шаг для человечества». Так мы сидели и смотрели на достижение человечества, а я ждала того момента, когда начнется наше свидание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.